

Посещение музея. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Посещение музея. Владимир Владимирович Набоков

Посещение музея[1]

Несколько лет тому назад один мой парижский приятель, человек со странностями, чтобы не сказать более, узнав, что я собираюсь провести два-три дня вблизи Монтизера, попросил меня зайти в тамошний музей, где, по его сведениям, должен был находиться портрет его деда кисти Леруа. Улыбаясь и разводя руками, он мне поведал довольно дымчатую историю, которую я, признаться, выслушал без внимания, отчасти из-за того, что не люблю чужих навязчивых дел, но главное потому, что всегда сомневался в способности моего друга оставаться по сю сторону фантазии. Выходило приблизительно так, что после смерти деда, скончавшегося в свое время в петербургском доме во время японской войны, обстановка его парижской квартиры была продана с торгов, причем после неясных странствий портрет был приобретен музеем города, где художник Леруа родился. Моему приятелю хотелось узнать, там ли действительно портрет, и, если там, можно ли его выкупить, и, если можно, то за какую цену. На мой вопрос, почему же ему с музеем не списаться, он отвечал, что писал туда несколько раз, но не добился ответа.

Про себя я решил, что просьбы не исполню; сошлусь на болезнь или на изменение маршрута. От всяческих достопримечательностей, будь то музей или старинное здание, меня тошнит, да кроме того поручение симпатичного чудака мне казалось решительно вздорным. Но так случилось, что, бродя в поисках писчебумажной лавки по мертвым монтизерским улицам и кляня шпиль одного и того же длинношеюго собора, выставлявшего в каждом пролете, куда ни повернешь, я был застигнут сильным дождем, который немедленно занялся ускорением кленового листопада: южный октябрь держался уже на волоске. Я кинулся под навес и очутился на ступенях музея.

Это был небольшой, из пестрых камней сложенный дом с колоннами, с золотой надписью над фресками фронтона и с двумя каменными скамьями на львиных лапах по бокам бронзовой двери; одна ее половина была отворена, и за ней казалось темно по сравнению с мерцанием ливня. Я постоял на ступеньках, которые, несмотря на выступ крыши, постепенно становились крапчатыми, а затем, видя, что дождь зарядил надолго, я от нечего делать решил войти. Только я ступил на гладкие, звонкие плиты вестибюля, как в дальнем углу громыхнул табурет, и навстречу мне поднялся, отстраняя газету и глядя на меня поверх очков музейный сторож, – банальный инвалид с пустым рукавом. Заплатив франк и стараясь не смотреть на какие-то статуи в сенях (столь же условные и незначительные, как первый номер цирковой программы), я вошел в залу.

Все было как полагается: серый цвет, сон вещества, обеспредметившаяся предметность; шкаф со стертыми монетами, лежащими на бархатных скатиках, а наверху шкапа – две совы, – одну звали в буквальном переводе «Великий князь», другую «Князь средний»; покоились заслуженные минералы в открытых гробах из пыльного картона; фотография удивленного господина с эспаньолкой высилась над собранием странных черных шариков различной величины, занимавших почетное место под наклонной витриной: они чрезвычайно напоминали подмороженный навоз, и я над ними невольно задумался, ибо никак не мог разгадать их природу, состав и назначение. Сторож, байковыми шажками следовавший за мной, но все остававшийся на скромном от меня расстоянии, теперь подошел, одну руку держа за спиной, а призрак другой в кармане, и переглатывая, судя по кадыку. «Что это?» – спросил я про шарики. – «Наука еще не знает, – отвечал он, несомненно зазубрив фразу. – Они были найдены, – продолжал он тем же фальшивым тоном, – в тысяча восемьсот девяносто пятом году муниципальным советником Луи Прадье, кавалером почетного ордена», – и дрожащим перстом он указал на снимок. «Хорошо, – сказал я, – но кто и почему решил, что они достойны места в музее?» «А теперь обратите внимание на этот череп!» – бодро крикнул старик, явно меняя тему беседы. «Интересно все-таки знать, из чего они сделаны», – перебил я его. «Наука...» – начал он сызнава, но осекся и недовольно взглянул на свои пальцы, к которым пристала пыль со стекла.

Я еще осмотрел китайскую вазу, привезенную вероятно морским офицером; компанию пористых окаменелостей; бледного червяка в мутном спирту; красно-зеленый план Монтизера в XVII веке; и тройку ржавых инструментов, связанных траурной лентой, – лопата, цапка, кирка. «...Копать прошлое», – рассеянно подумал я, но уж не обратился за разъяснением к сторожу, который, лавируя между витрин, бесшумно и

Посещение музея. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru робко за мной следовал. За первой залой была другая, как будто последняя, и там, посередине, стоял, как грязная ванна, большой саркофаг, а по стенам были развешаны картины.

Сразу заприметив мужской портрет между двумя гнусными пейзажами (с коровами и настроением), я подошел ближе и был несколько потрясен, найдя то самое, существование чего дотоле казалось мне попутной выдумкой блуждающего рассудка. Весьма дурно написанный маслом мужчина в сюртуке, с бакенбардами, в крупном пенсне на шнурке, смахивал на Оффенбаха, но, несмотря на подлую условность работы, можно было, пожалуй, разглядеть в его чертах как бы горизонт сродства с моим приятелем. В уголке по черному фону была кармином выведена подпись «Леруа», – такая же бездарная, как само произведение.

Я почувствовал у плеча уксусное дыхание и, обернувшись, увидел добрые глаза сторожа.

– Скажите, – спросил я, – если б, положим, кто-нибудь захотел купить эту или другую картину, – к кому следовало бы обратиться?

– Сокровища музея – честь города, – отвечал старик, – а честь не продается.

Я поспешил согласиться, боясь его красноречия, но все-таки попросил адрес опекуна музея. Он попробовал отвлечь мое внимание повестью о саркофаге, – однако я настаивал на своем. Наконец старик назвал некоего мосье Годара и объяснил, где его отыскать.

Мне, прямо скажу, понравилось, что портрет есть. Весело присутствовать при воплощении мечты, хотя бы и не своей. Я решил немедленно закончить дело, а когда я вхожу во вкус, то остановить меня невозможно. Скорым и звонким шагом выйдя из музея, я увидел, что дождь перестал, по небу распространилась синева, женщина в забрызганных чулках катила на серебряном велосипеде, и только на окрестных горах еще дымилась тучи. Собор снова заиграл со мною в прятки, но я перехитрил его. Едва не попав под бешеные шины красного автокара, набитого поющими молодыми людьми, я пересек асфальтовый большак и через минуту звонил у калитки мосье Годара. Он оказался худеньким пожилым человеком в высоком воротничке, в пластроне, с жемчужиной в узле галстука, лицом очень похожим на белую борзую, – мало того, он совсем по-собачьи облизнулся, наклеивая марку на конверт, когда я вошел в его небольшую, но богато обставленную комнату, с малахитовой чернильницей на письменном столе и странно знакомой китайской вазой на камине. Две фехтовальные шпаги были скрещены над зеркалом, в котором отражался его узкий, седой затылок, и несколько фотографий военного корабля приятно прерывали голубую флору обоев.

– Чем могу вам служить? – спросил он, бросив запечатанное им письмо в мусорную корзину: этот жест показался мне необычным, но я не счел нужным вмешаться. В кратких словах я изложил причину моего прихода и даже назвал крупную сумму, с которой мой друг был готов расстаться, хотя, правда, он просил меня ее не называть, а дожидаться условий музея.

– Все это очень мило, – сказал мосье Годар, – да только вы ошибаетесь: такой картины нет в нашем музее.

– Как нет? – воскликнул я, – да я ее только что видел! Гюстав Леруа, портрет русского дворянина.

– Одно полотно Леруа у нас действительно имеется, – сказал мосье Годар, перелистав клеенчатую тетрадь и длинным черным ногтем остановившись на найденной строке. – Но это не портрет, а деревенский мотив: «Возвращение стада».

Я повторил, что картину видел своими глазами пять минут тому назад, и что никакая сила не заставит меня в этом усомниться.

– Согласен, – сказал мосье Годар, – но и я тоже не сумасшедший. Я состою хранителем нашего музея вот уже скоро двадцать лет и знаю этот каталог как молитву Господню. Тут сказано «Возвращение стада», значит стадо возвращается, и ежели только дед вашего друга не изображен в виде пастуха, я не могу допустить, что его портрет у нас существует.

Посещение музея. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

– Он в сюртуке, – крикнул я, – клянусь вам, что он в сюртуке!

– А как вообще, – спросил мосье Годар подозрительно, – вам понравился наш музей? Вы саркофаг оценили?

– Послушайте, – и была уже, кажется, вибрация в моем голосе, – сделайте мне одолжение, пойдите туда сию минуту, и условимся так: если портрет висит там, то вы мне его продадите.

– А если его нет? – полюбопытствовал мосье Годар.

– Тогда я вам заплачу ту же сумму.

– Ладно, – сказал он. – Вот возьмите карандаш и красным, красным концом запишите мне это.

Я сгоряча исполнил его требование. Прочтя мою подпись, он пожаловался на трудность произношения русских фамилий, расписался под ней сам и, быстро сложив листок, сунул его в карманчик жилета.

– Пойдемте, – сказал он, высвобождая манжету.

По дороге он заглянул в лавку и купил фунтик липких леденцов, которыми стал настойчиво меня угощать, а когда я наотрез отказался, попытался мне высыпать штучки две в руку, – я отдернул ее, несколько леденцов упало на панель, он подобрал их и догнал меня рысью. Когда мы приблизились к музею, то увидели, что перед ним стоит красный автокар – пустой.

– Ага, – сказал мосье Годар довольненьким голосом, – я вижу, что у нас сегодня много посетителей.

Он снял шляпу и, держа ее перед собой, чинно взошел по ступеням.

В музее было нехорошо. Доносились вакхические восклицания, бравурный смех и как будто даже шум потасовки. Мы вошли в первую залу; там старичок сторож удерживал двух святотатцев с какими-то праздничными эмблемами в петличках, и вообще очень сизо-румяных и энергичных, старавшихся добыть из-под стекла черные чаврики муниципального советника. Прочие молодцы из той же сельско-спортивной корпорации громко издевались, кто над червем в спирту, кто над черепом. Один весельчак восхищался трубами парового отопления, будто принятыми им за экспонат; другой целился в сову из кулака и пальца. Всего было человек тридцать, так что получалась толкотня и густой шум от шагов и возгласов.

Мосье Годар захлопал в ладоши и указал на плакат с надписью: «Посетители музея должны быть прилично одеты». Затем он протиснулся – и я за ним – во вторую залу. Все общество тотчас повалило туда же. Я подтолкнул Годара к портрету, и он застыл перед ним, выставив грудь, потом чуть попятился, словно им любясь, и наступил своим дамским каблуком на чью-то ногу.

– Прекрасная картина, – воскликнул он вполне искренне, – что ж, не будем мелочны. Вы оказались правы, а в каталоге должно быть ошибка.

Говоря это, он отвлеченными пальцами достал наш контракт и разорвал его на мелкие части, которые, как снежинки, посыпались в массивную плевательницу.

– Кто эта старая обезьяна? – спросил относительно портрета некто в полосатом нательнике, а так как дед моего приятеля был изображен с сигарой в руке, другой балагур вынул папиросу и собрался у портрета прикурить.

– Давайте условимся о цене, – сказал я. – И во всяком случае уйдемте отсюда.

– Пропустите, господа, – крикнул мосье Годар, отстраняя любопытных. В конце залы оказался проход, которого я прежде не заметил, мы пробились туда. – Я ничего не могу решить, – говорил мосье Годар, перебивая шум. – Решимость только тогда хороша, когда подкреплена законом. Я должен сперва посоветоваться с мэром, который только что умер и еще не избран. Думаю, что купить портрет вам не удастся, но тем не менее хочу вам показать еще другие наши сокровища.

Посещение музея. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Мы очутились в зале несколько больших размеров. Там, на длинном столе под стеклом, раскрыты были толстые, плохо выпеченные книги с желтыми пятнами на грубых листах. Вдоль стен стояли военные куклы в ботфортах с раструбами.

– Давайте обсудим, – взмолился я, порываясь направить пируэты мосье Годара к плюшевому дивану в углу. Но мне помешал сторож. Потрясая единственной рукой, он догонял нас, сопровождаемый веселым табуном молодых людей, из которых один надел себе на голову медный шлем с рембрандтовским бликом.

– Снимите, снимите! – воскликнул мосье Годар, и от чьего-то толчка шлем со звоном слетел с хулигана.

– Дальше, – сказал мосье Годар, дергая меня за рукав, и мы попали в отдел античной скульптуры.

На минуту я заблудился среди громадных мраморных ног и дважды обежал кругом исполинского колена, покамест не увидел опять мосье Годара, который искал меня за белой пятой соседней великанши. Тут какой-то человек в котелке, видно на нее взобравшийся, вдруг с большой вышины упал на каменный пол. Его стал поднимать товарищ, но оба были навеселе, и, махнув на них рукой, мосье Годар полетел в следующую комнату, где сияли восточные ткани, гончие мчались по лазурным коврам, и на тигровой шкуре лежал лук с колчаном.

Но странное дело: от простора и пестроты было только тяжело, мутно, – и потому ли, что все новые посетители проносились мимо, или потому, что мне хотелось поскорее выбраться из ненужно удлинившегося музея, чтобы в свободной тишине докончить с мосье Годаром деловой разговор, но меня охватила какая-то тревога. Между тем мы перенеслись еще в одну залу, которая уж совсем была громадная, судя по тому, что в ней помещался целый скелет кита, подобный остову фрегата, а далее открывались еще и еще залы, косо лоснились полотна широких картин, полные грозových облаков, среди которых плавали в синих и розовых ризах нежные идолы религиозной живописи, и все это разрешалось внезапным волнением туманных завес, и зажигались люстры, и в освещенных аквариумах рыбы виляли прозрачными шлейфами, а когда мы взбежали по лестнице, то сверху, из галереи, увидели внизу толпу седых людей и зонтиков, осматривающих громадную модель мироздания.

Наконец, в каком-то пасмурном, но великолепном помещении, отведенном истории паровых машин, мне удалось остановить на мгновение моего беспечного жоака.

– Довольно, – крикнул я, – я ухожу. Мы поговорим завтра...

Его уже не было. Я повернулся, увидел в верхке от себя высокие колеса вспотевшего локомотива и долго пытался найти между макетами вокзалов обратный путь... Как странно горели лиловые сигнальные огни во мраке за веером мокрых рельсов, как сжималось мое бедное сердце... Вдруг опять все переменялось: передо мной тянулся бесконечно длинный проход, где было множество конторских шкапов и неуловимо спешивших людей, а кинувшись в сторону, я очутился среди тысячи музыкальных инструментов, – в зеркальной стене отражалась анфилада роялей, а посредине был бассейн с бронзовым Орфеем на зеленой глыбе. Тема воды на этом не кончилась, ибо, метнувшись назад, я угодил в отдел фонтанов, ручьев, прудков, и трудно было идти по извилистому и склизкому их краю.

Изредка, то с одной стороны, то с другой, каменные лестницы с лужами на ступенях, странно пугавшие меня, уходили в туманные пропасти, где раздавались свистки, звон посуды, стук пишущих машинок, удары молотков и много других звуков, словно там были какие-то выставочные помещения, уже закрывающиеся или еще недостроенные. Потом я попал в темноту, где наткнулся на неведомую мебель, покамест, увидя красный огонек, я не вышел на платформу, лязгнувшую подо мной... а за ней вдруг открылась светлая, со вкусом убранная гостиная в стиле ампир, но ни души, ни души... Мне уже было непередаваемо страшно, но всякий раз как я поворачивался и старался вернуться по уже пройденным переходам, я оказывался в еще не виданном месте, – в зимнем саду с гортензиями и разбитыми стеклами, за которыми чернела искусственная ночь, или в пустой лаборатории, с пыльными алейками на столах. Наконец я вбежал в какое-то помещение, где стояли вешалки, чудовищно нагруженные черными пальто и каракулевыми шубами; там, в глубине за дверью, вдруг грянули аплодисменты, но когда я дверь распахнул, никакого театра там не было, а просто мягкая мать, туман, превосходно подделанный, с совершенно убедительными пятнами расплывающихся фонарей. Более, чем убедительными! Я

Посещение музея. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru двинулся туда, и сразу отрадное и несомненное ощущение действительности сменило наконец всю ту нереальную дрянь, среди которой я только что метался. Камень под моими ногами был настоящая панель, осыпанная чудно пахнущим, только что выпавшим снегом, на котором редкие пешеходы уже успели оставить черные, свежие следы. Сначала тишина и снежная сырость ночи, чем-то поразительно знакомые, были приятны мне после моих горячечных блужданий. Доверчиво я стал соображать, куда я собственно выбрался, и почему снег, и какие это фонари преувеличенно, но мутно лучащиеся там и сям в коричневом мраке. Я осмотрел и, нагнувшись, даже тронул каменную тумбу... потом взглянул на свою ладонь, полную мокрого, зернистого холодка, словно думая, что прочту на ней объяснение. Я почувствовал, как легко, как наивно одет, но ясное сознание того, что из музейных дебрей я вышел на волю, опять в настоящую жизнь, это сознание было еще так сильно, что в первые две-три минуты я не испытывал ни удивления, ни страха. Продолжая неторопливый осмотр, я оглянулся на дом, у которого стоял – и сразу обратил внимание на железные ступени с такими же перилами, спускавшиеся в подвальный снег. Что-то меня кольнуло в сердце и уже с новым, беспокойным любопытством я взглянул на мостовую, на белый ее покров, по которому тянулись черные линии, на бурое небо, по которому изредка промахивал странный свет, и на толстый парапет поодаль: за ним чуялся провал, поскрипывало и булькало что-то, а дальше, за впадиной мрака, тянулась цепь мохнатых огней. Промокшими туфлями шурша по снегу, я прошел несколько шагов и все посматривал на темный дом справа: только в одном окне тихо светилась лампа под зеленым стеклянным колпаком, – а вот закрытые деревянные ворота, а вот, должно быть, – ставни спящей лавки... и при свете фонаря, форма которого уже давно мне кричала свою невозможную весть, я разобрал кончик вывески: «...инка сапог», – но не снегом, не снегом был затерт твердый знак. «Нет, я сейчас проснусь», – произнес я вслух и, дрожа, с колотящимся сердцем, повернулся, пошел, остановился опять, – и где-то раздавался, удаляясь, мягкий ленивый и ровный стук копыт, и снег ермолкой сидел на чуть косою тумбе, и он же смутно белел на поленнице из-за забора, и я уже непоправимо знал, где нахожусь. Увы! это была не Россия моей памяти, а всамделишная, сегодняшняя, заказанная мне, безнадежно рабская и безнадежно родная. Полупризрак в легком заграничном костюме стоял на равнодушном снегу, октябрьской ночью, где-то на Мойке или на фонтанке, а может быть и на Обводном канале, – и надо было что-то делать, куда-то идти, бежать, дико оберегать свою хрупкую, свою незаконную жизнь. О, как часто во сне мне уже приходилось испытывать нечто подобное, но теперь это была действительность, было действительным все, – и воздух, как бы просеянный снегом, и еще не замерзший канал, и рыбный садок, и особенная квадратность темных и желтых окон. Навстречу мне из тумана вышел человек в меховой шапке, с портфелем под мышкой и кинул на меня удивленный взгляд, а потом еще обернулся, пройдя. Я подождал, пока он скрылся, и тогда начал страшно быстро вытаскивать все, что у меня было в карманах, и рвать, бросать в снег, утапывать, – бумаги, письмо от сестры из Парижа, пятьсот франков, платок, папиросы, но для того, чтобы совершенно отделаться от всех эмигрантских чешуй, необходимо было бы содрать и уничтожить одежду, белье, обувь, все, – остаться идеально нагим, и хотя меня и так трясло от тоски и холода, я сделал, что мог.

Но довольно. Не стану рассказывать ни о том, как меня задержали, ни о дальнейших моих испытаниях. Достаточно сказать, что мне стоило невероятного терпения и трудов обратно выбраться за границу и что с той поры я заклился исполнять поручения чужого безумия.

Париж, 1938 г.

Примечания

1 Впервые – «Современные записки», Париж, 1939, № 68.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!